

вичу Гагарину, чтобы учить его двенадцатилетнего сына Сашу русскому языку, арифметике и латыни. В трехэтажном барском доме ему отвели отдельную комнату с пружинным матрасом, с письменным столом и с отдельным выходом в сад и на пруд, что способствовало укреплению здоровья.

«Прожил я в Заборовке более 8 месяцев, с 17 декабря 1867 по 28 августа 1868, – отметит И.Е. Цветков. – Получая по 33 руб. 33 коп. в месяц, я прикупил деньжонок, немного поздоровел и поступил на математический факультет Казанского университета, так как туда поступить оказалось всего легче».

* * *

На физико-математический факультет Казанского университета Иван Цветков поступил 10 сентября 1868 года и с пользой провел там целый год, привыкая к научным занятиям, делая экскурсии на чужие факультеты и слушая, например, логику и химию. Но тамошними порядками он был не доволен, так что по завершении учебного года перешел в Московский университет, который был тогда в блестящем состоянии.

В Москве на математическом отделении физико-математического факультета Цветков слушал лекции таких блестящих профессоров, как Ф.А. Бредихин и Н.Э. Ляковский. Они давали студентам не только необходимые сведения по своей специальности, но и заставляли их стремиться к дальнейшему самостоятельному усвоению предмета. В Первопрестольной учебный процесс был академический, удобный для занятий, и своих московских товарищей Цветков ставил гораздо выше казанских. Люди несерьезные, шалопаи по свидетельству Цветкова, в Москве не только не считались даровитыми, как это бывало в Казани, но вызывали в товарищах сожаление. Студенты-математики жили интересами избранной специальности и работали «не за страх, а за совесть».

В Московском университете Цветков был на хорошем счету и получал стипендию Министерства народного образования в размере 25 рублей ежемесячно. Дополнительные средства ему давали домашние уроки, которые не были постоянными, но в общем достаточными.

В 1870 году в Казанский университет поступили Александр Цветков и Иван Яковлев. В Казани Яковлев познакомился с родителями Цветковых, которые посещали сына на съемной квартире. В августе 1871 года, когда в Симбирске проездом на Кавказ побывал Александр II, священник Цветков специально приезжал в город увидеть государя и останавливался у Яковлева в Симбирской чувашской школе, располагавшейся в то время на Дворцовой улице в доме Данилова. Через год Александр Цветков перевелся в Московский университет на медицинский факультет, Симбирская губернская земская управа выдавала ему стипендию на образование. Яковлев же, окончив историко-филологический факультет, вернулся в Симбирск и вплотную занялся просвещением своих соплеменников-чувашей.

На старших курсах Иван Цветков выезжал с семейством князя Гагарина в Швейцарию, некоторое время жил в Женеве. Гагарины ему платили хоро-

шо, но еще лучше платили, там же, у рыбопромышленника Сапожникова, где он давал уроки троим его детям. Добывая деньги как никогда легко, он привез в Россию более 200 рублей золотом. Кроме того, наслаждался природой и запасался здоровьем, имел возможность посещать картинные галереи в Берлине и Вене. При созерцании старинных образцов живописи и ваяния в его душе впервые зародилась мысль о собирании произведений искусства.

Перед выпуском, в июне 1873 года, Иван Цветков отправился сначала в Харьков, потом в Полтаву, где давал уроки в двух домах. Отвечая на письмо брата-студента, который тоже зарабатывал уроками, писал: «Очень жалею, Саша, что не написал, послал ты денег мамаше или нет. Если тебе почему-либо неловко просить у князя денег, я бы мог послать. Если же мы пошлем оба враз, это будет совершенно излишне <...> Я деньги стараюсь забирать вперед. Недели две или полторы назад я взял 100 руб. и послал их Адели Николаевне: 30 руб. в уплату долга, а 70 для сбереженья».

Став московским студентом, Цветков любил заглянуть «на огонек» в небольшой дом Кашперовых близ Арбатских ворот, где устраивались музыкальные и литературные вечера, в том числе читал свои рассказы И.С. Тургенев. Владимир Никитович Кашперов родился в 1826 году в семье помещика села Чуфарово Симбирского уезда и губернии, служил чиновником особых поручений при тамошнем губернаторе, но увлекся музыкой и оставил службу. Его жена, милая и умная симбирянка Адель Николаевна, урожденная Бекетова, была певицей. В Петербурге Кашперов брал уроки у Гензельта и Глинки, затем жил в Италии, написав и поставив там несколько опер. По возвращении в Россию стал профессором Московской консерватории по классу пения, был одним из учредителей Общества драматических писателей и композиторов, организовал бесплатные хоровые классы. Его оперы «Гроза» и «Тарас Бульба» ставили на сценах Большого и Мариинского театров.

2 августа Иван Цветков сообщил брату Саше: «При выезде из Полтавы послал письмо к мамаше и к Павлу. К Пете думаю писать в Симбирск на имя Ардальона Ивановича». Он направлялся в Одессу, к теплому морю, где надеялся «найти покой нравственный и физический».

Осенью был сдан последний экзамен в университете и получен «аттестат» за подписью ректора, тайного советника и кавалера Е. Г. Осокина: «По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, от Совета ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, сыну Священника Ивану Цветкову в том, что он, по окончании полного курса учения в Симбирской Гимназии, в Сентябре 1866 года поступил в С.-Петербургский Практический Технологический Институт; в Июне же 1867 года, по болезни, из Института уволен; в 1868 году принят был в Казанский Университет, откуда по прошению в Августе месяце 1869 года перемещен был в число студентов сего Университета, где, при очень хорошем поведении, окончил курс по отделу Математическому Физико-Математического Факультета и за оказанные им отличные успехи определением Университетского Совета, 3-го сего Ноября состоявшимся, утвержден

в степени Кандидата. При вступлении в службу <...> он принимается в оную 10-м классом; права же при вступлении в военную службу, и на производство его в офицеры <...> определяется существующими по военному ведомству правилами. Во время пребывания в Московском Университете г. Цветков пользовался Казенной Педагогической стипендией».

В это время начали открываться акционерные компании земельных банков, которым публицисты и экономисты придавали огромное значение. У Цветкова зародилась честолюбивая мысль устроиться в Московский земельный банк и заняться развитием земельного кредита.

Братья Иван Евменьевич и Пётр Евменьевич Цветковы. 1884. (Из фондов РГАЛИ)

В сентябре 1874 года начинающий банкир получил письмо от младшего брата, известившего о поступлении в Казанский факультет на медицинской факультет и просившего помочь деньгами. И не замедлил с ответом:

«Письмо твое, милый мой Петя, нас с Сашей обрадовало несказанно: до получения его я, признаюсь, не верил в возможность такого большого счастья. Поздравляю тебя с этим важнейшим шагом жизни и желаю тебе всяких удач и полного счастья.

Относительно денег смело ты можешь рассчитывать вполне: деньги у меня водятся. Я только попрошу тебя об одном – и это ты запомни – писать о деньгах не тогда, как тебе уж совсем приспичит, а заблаговременно, недели за две».

В феврале 1875 года другой брат Павел, по собственной вине не закончивший семинарию и служивший писарем в волостном правлении с. Чиберчино Алатырского уезда, после полугодового молчания соизволил сообщить старшему брату о том, что из Чиберчино «вышиблен» и не имеет никакого пропитания. Посочувствовавший ему Иван Евменьевич крепко рассердился, узнав из письма матери, что купленные ранее у знакомого часовщика и подаренные брату наручные часы тот в пьяном виде потерял.

Александр Цветков по окончании университета выехал из Москвы в Симбирскую губернию, к месту будущей службы. Предполагаемое место врача в Алатыре оказалось занято, тогда попытался устроиться в Сенгилей. В феврале 1877 года, когда он изъявил желание перебраться в Москву, старший брат спросил: «...Как скоро по получении известия об оставлении за тобой ординаторского места, ты можешь приехать в Москву и не может ли симбирское земство, узнав о твоём поступлении на государственную службу, тебе не пакостить».

На следующий год он купил и послал по просьбе Александра медицинские книги и журналы с приложением счета, очень сожалел о том, что «не мог достать полного экземпляра Истории России в рассказах Костомарова, а отдельных разрозненных томов я не желаю посылать Любаше (сестре. – Ю.К.)». Петру высылал ежемесячно «обязательные пятьдесят рублей», а Павлу с оказией носильные вещи и немного денег.

В ноябре 1879 года Иван Евменьевич заметил Павлу: «Ты отлично знаешь, что моя жизнь и жизнь брата Саши вполне определилась и мы живем сегодня так же, как жили вчера <...> Ничего даже подобного нельзя сказать о твоей бродячей неопределившейся жизни. Я даже приблизительно не могу представить себе, как ты живешь теперь, что ты делаешь, где именно ты намерен приютиться <...> Главное, друг мой, не пей водки и не бойся труда и терпения, а это собственные наши опоры в жизни...»

Старший брат приводил в пример самого младшего, который после окончания университета служил в Липовке. «Это село в Самарской губернии в Николаевском уезде против Хвалынска – писал он. – Там Петя с 15 сентября врачом с жалованием в 1500 руб. Живет, надеюсь, недурно».

* * *

Первый год по окончании университета Иван Евменьевич подрабатывал у богача Губонина в качестве воспитателя его сына, но затем всецело посвятил себя банковскому делу. Около двух лет он пробыл бухгалтером, потом в качестве агента по оценке имуществ, представляемых в залог банку, с ранней весны до поздней осени разъезжал по центральным губерниям. Месяцами не бывая дома, сполна познал суть известной пословицы о дураках и дорогах. Приобретенный опыт позволил ему в 1890 году стать членом оценочной комиссии, а спустя пять лет оказаться избранным председателем этой самой комиссии, неоднократно получая благодарности и награды со стороны акционеров банка. Как человек умный, честный и сметливый, дошел постепенно до поста директора, состояние его росло.

Летом 1880 года Иван Евменьевич был по делам в Пензенской губернии и заглянул в Дубенки к родителям, чтобы, как заметит потом в письме младшему брату, «исполнить сыновний долг». Спустя полгода писал малограмотной матери из Москвы: «...Прежде всего считаю долгом благодарить вас за то, что вы, наконец-то, после двухлетнего молчания, написали мне собственноручно. Напрасно вы

извиняетесь за «неправильность» вашего письма: «неправильность» письма не мешает его правдивости, искренности, задушевности...».

Осенью 1883 года братец Павел намеревался переехать из Дубенок в Алатырь с надеждой получить место у какого-то нотариуса. Не дождавшись от него письма с адресом, Иван Евменьевич вынужден был писать ему через родителей, прося их доставить письмо: «Друг мой! Иди работать даром, не гонись за многим, не расценивай себя – и тогда, может быть, тебе будет работа и затем цена. Узнай, если не знаешь, что я, окончивши курс в Московском университете одним из первых кандидатов, поступил в банк без желания и исполнял в банке всевозможные, даже самые низкие работы (я не был только сторожем) – а только тогда был замечен и вознагражден, когда стал необходим для дела не по моему о себе мнению, но по мнению тех, кто стоял тогда во главе нашего банка».

В августе 1887 года Иван Евменьевич приехал в отчий дом, вырвавшись на несколько дней из служебной круговерти. Заранее предупредил об этом Павла, чтобы увидеться и поговорить. Про себя отметил, что родитель сильно исхудал и имел нездоровый вид.

15 апреля следующего года он получил короткую телеграмму от непутевого брата из Промзино: «Отец умер». К тому времени Иван Евменьевич был уже женат на милой и тихой Анне Федоровне, с другой он, пожалуй, не ужился бы. Вскоре забрал мать доживать свой век к себе, в купленный двумя годами ранее дом № 5 по Кривоникольскому переулку в Пречистенской части Москвы.

В сентябре 1895 года И.Е. Цветков отбыл на месяц в Европу, посетил Варшаву, Вену, Венецию и другие города. В очередной почтовой карточке писал: «Милая мамочка Татьяна Никитична, шлю вам мой привет из города Рима, города очень старого, который существует более 2500 лет. Каждый день с утра до вечера в работе – смотрю картины и статуи. Но пока здоров и счастлив. Погода здесь развеселая, как июль месяц, более 20 градусов в тени. Сержусь на свою Аннушку, что ничего не пишет с 16 сентября. Любящий вас крепко Ваня».

Иван Евменьевич с 1881 года начал приобретать работы мастеров кисти. Содержание и изучение картин доставило ему новое неведомое наслаждение и новый интерес к жизни. Сначала он покупал все хорошие картины иностранных и русских художников, которые нравились и продавались относительно недорого. Затем одна удачная покупка остановила его внимание на приобретении рисунков. В то время рисунками никто не интересовался, их не собирали и не сохраняли. Ему же пришла счастливая мысль составить коллекцию рисунков, сделанных русскими художниками. Он полагал, что собрание рисунков важно для истории искусства, ибо близко знакомит с процессом творчества, игрой чувств и мыслями художника.

Иван Евменьевич настолько быстро пополнял свое собрание, что небольшой домик в Кривоникольском переулке с трудом вмещал собранное богатство. Он решил построить новый дом, в котором удобно было бы разместить картины при надлежащем освещении. Здание в древнерусском сти-

ле возвели на берегу Москвы-реки, близ Кремля и храма Христа Спасителя, по рисункам известного В.Н. Васнецова.

С постройкой нового здания Цветков «стал собирать картины и рисунки еще энергичнее, чем в первые двадцать лет, и был счастливее в приобретении редких хороших вещей, чем прежде». Иван Евменьевич стал частым посетителем мастерских московских и петербургских художников, завсегдаем всех художественных выставок. Возглавил Московское общество любителей художеств, был избран действительным членом Петербургской академии художеств, вошёл в попечительский совет Московской городской картинной галереи братьев Третьяковых.

Несмотря на занятость, Цветков находил время для литературных занятий. Вскоре по выходе из гимназии составил автобиографические заметки о первых годах жизни, поступлении в училище, обучении в семинарии и гимназии. В 1874 году он подготовил статью «Встреча с И.С. Тургеневым», в 1890-м написал рассказ «Допрос». В 1909 году в статье «О Егоре Ивановиче Маковском» рассказал о собирателе русской живописи и западноевропейской гравюры, одном из основателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества, родоначальнике династии живописцев. Особый интерес вызывают его заметки по искусству, где, в частности, утверждалось: «Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник».

Цветков поддерживал дружеские отношения с симбирянами, которых знал с юношеских лет. В его просторном доме на Арбате останавливался Дмитрий Ардалионович Глазов, служивший директором народных училищ в Нижнем Новгороде. Он обменивался визитами с его сестрой Александровной Ардалионовной, вышедшей замуж за профессора математики И.С. Громеко. Московский предприниматель Михаил Степанович Нагаткин, товарищ Цветкова по симбирской гимназии, не раз передавал в Алатырь тюки с одеждой и обувью для его непутевого брата. Кроме того, Нагаткин оставил своим знакомым Антоновым расчетную книжку, по которой они под расписку выдавали Павлу каждый месяц по десять рублей.

«Пожалуйста, делай что хочешь: читай, спи, гуляй, ходи рыбу удить, но только не предавайся постыдной и губительной своей страсти, – писал старший брат в апреле 1890 года Павлу. – Доходили, доходят и, вероятно, еще дойдут до меня слухи, что не держишь своего образа – пьешь. Конечно, когда я увеличивал твое содержание – я никак не желал, чтоб это увеличение пошло во вред тебе».

В первый год после университета, путешествуя летом по Волге, Иван Евменьевич заезжал к И.В. Яковлеву в Симбирск. Позднее Иван Яковлевич бывал в его доме-музее, угощался обедом. «Я не раз видел все его картины, составляющие как бы украшение его особняка, – пишет Яковлев. – Вообще равнодушный к живописи, мало в ней понимающий толка, я и тут, вероятно, не проявлял должного восторга, так что Цветков перестал хвастаться передо мной своими картинами. Помню одну из них, вну-